

В светлой столовой помился от яств обеденный стол. Госпожа Хань, хлопотавшая у плиты битых два часа, наконец-то смогла перевести дух. Однако стоило ей увидеть сына, выносящего последнюю супницу с наваристым бульоном из свиных ребрышек, как её лицо омрачилось — Морис так и не соизволил спуститься. Губы женщины недовольно сжались.

— Сходи посмотри, почему он до сих пор не спустился? — вздохнула госпожа Хань, тщетно пытаясь скрыть раздражение.

Её обожаемый сын, которого с пеленок баловали как молодого господина и который раньше чашки за собой не мыл, теперь всю хозяйничал по дому. В душу матери закралось подозрение: неужели Хань Цзин ей безбожно врал? Если в доме жила постоянная прислуга, с чего бы её мальчику самому стоять у плиты?

— Мам, не переживай. Морису сейчас тяжело двигаться. Посиди пока, а я мигом его приведу,
— Хань Цзин мягко помассировал плечи матери и с улыбкой заступился за мужа.

Он взбежал по лестнице и толкнул дверь спальни. Морис уже проснулся. Из ванной доносился мерный шум воды, а шелковое одеяло на кровати с четырьмя столбиками небрежно сползло на пол.

Хань Цзин нахмурился. На душе стало паршиво. Он наклонился и поднял одеяло. Прекрасно ведь зная, что свекровь ждет внизу, зачем Морис затеял мытье именно сейчас, нарочно затягивая время?

В этот момент дверь ванной открылась. Морис вышел в комнату, его длинные влажные волосы рассыпались по плечам. Каждое движение давалось ему с трудом — глухая, ноющая боль во всем теле крепла с каждой минутой.

— Нам нужно поторопиться, — поспешил Хань Цзин. Его задел холодный, замкнутый вид супруга. Похоже, Морис был не в духе из-за внезапного визита свекрови?

Хань Цзин подошел ближе и приобнял его за талию.

— Что случилось? Мама ведь редко у нас бывает. К тому же она сама приготовила для тебя ужин, у неё рука гораздо легче моей. Твой любимый суп из ребрышек сварила.

Он перехватил ладонь Мориса и вздрогнул от неожиданности.

— Твои руки... почему они такие ледяные? Может, накинешь что-нибудь сверху?

— Не нужно, — сухо отозвался тот.

Этот короткий ответ прозвучал отчужденно, почти враждебно. Но Морису было не до вежливости: с самого полудня в глубине живота нарастала тупая тягучая боль. Она не отпускала ни на мгновение, лишая сил. Пальцы стыли от этого изматывающего спазма, но Морису и в голову не приходило, что это предвестники родов. Из-за его безупречного здоровья и он сам, и Хань Цзин, и даже доктор Марко были уверены, что ребенок родится строго в срок.

Подобное случалось и раньше — например, в санатории Берлин, когда отец избил Хань Цзина. Тогда Морис переволновался, у него потянул живот, но стоило полежать половину дня, как все прошло. Однако сегодня боль не утихала, а лишь яростно вгрызалась в тело, мешая даже заснуть. Изнывая от липкого пота, он и решил встать под горячий душ.

Гордость не позволяла Морису жаловаться. Он хотел перетерпеть всё молча, чтобы не тревожить мужа, а уж тем более не устраивать сцен при его матери, чей незванный приезд и так нарушил покой.

— Мама! — Хань Цзин бережно свел Мориса по лестнице. Чувствуя скованность мужа, он изо всех сил старался разрядить обстановку еще на пороге столовой. — Посмотри, сколько всего мама приготовила специально для тебя! Она заботится о тебе больше, чем обо мне.

Очередной приступ боли отступил, и Морис заставил себя вежливо улыбнуться:

— Спасибо, мама.

— Ну что ты, мы же одна семья, — улыбнулась госпожа Хань, и тень её недавнего недовольства мгновенно растаяла при взгляде на округлившийся живот зятя. — Давай, налегай на рыбу. Здесь много белка, для малыша полезно. И вот этого попробуй — для зрения хорошо.

Женщина так и сияла, предвкушая скорое появление внучки. Прежние обиды показались ей сущим пустяком. Она то и дело подкладывала Морису лучшие кусочки, пока его тарелка не наполнилась до краев.

Стискивая зубы при каждой новой вспышке хаотичной боли, Морис едва заметно хмурился. Он молчал, лишь изредка отвечая на вопросы короткими кивками. Хань Цзин пытался поддерживать беседу, шутить, но разговор упорно не клеился. В столовой повисла тягостная, натянутая пауза.

Хань Цзин нахмурился, его улыбка сделалась натянутой.

— Тебе не нравится еда? — негромко спросила госпожа Хань, заметив, что Морис почти не притронулся к ужину. Она сочла это пренебрежением к своим трудам.

Морис открыл было рот, чтобы ответить, но внезапный резкий спазм пронзил низ живота. Он судорожно вздохнул и умолк. Ребенок внутри бушевал не на шутку, какой уж тут аппетит.

— Ну что ты, мам, конечно нравится! — торопливо вмешался Хань Цзин, перекладывая на тарелку мужа кусок сочной рыбы. — Твое любимое блюдо, почему ты не ешь?

Он ласково улыбнулся, отчаянно подавая Морису знаки глазами.

Не желая выдавать себя, Морис упрямо сглотнул подступающий стон. Дождавшись, пока утихнет боль, он съел пару кусочков и наконец заговорил сам:

— У вас золотые руки, мама. Жаль, что отец не смог приехать с вами. Фарут — прекрасный курорт, там невероятно красиво. Я бывал там несколько раз.

На его ладонях выступил холодный пот, но он держал лицо.

— Твой отец весь в делах, разве у него найдется время для меня? — мягко отозвалась госпожа Хань. — Вот я и решила приехать одна, помочь вам перед родами. Когда рядом родная душа, всегда легче.

Морис внутренне содрогнулся от этой перспективы, но вежливо смолчал, лишь бросив на мужа красноречивый взгляд.

Хань Цзин почувствовал, как закипает мозг. Пришлось лавировать:

— Мам, не торопи события. Я уже оформил отпуск, со следующей недели буду дома и смогу сам во всем помогать Морису. Мам, попробуй лучше спаржу, я помню, ты её обожаешь.

Он надеялся сменить тему, но мать всё прекрасно поняла. Она приняла предложенное угощение, но её взгляд, устремленный на вновь помрачневшего Мориса, стал прохладным.

— Насчет малышки... Я уже говорила об этом с Хань Цзином, — не унималась свекровь. — Мы с отцом несколько месяцев ломали голову над именем для внучки. Выбрали несколько вариантов, сулящих счастье и процветание. Позже Цзин покажет тебе список, выберешь, какое больше по душе.

— Имя? — Морис ледяным тоном попытался скрыть очередную волну боли, пронзившую поясницу. Его острый взгляд впился в поникшего Хань Цзина. — Мы ведь уже всё решили. Нашу дочь будут звать Кэтрин. Разве Хань Цзин не сообщил вам об этом?

— Кэтрин?! — госпожа Хань почувствовала, как к горлу подкатывает обида. Всё её многодневное терпение лопнуло. Она резко повернулась к сыну: — Что это значит?! Почему ты мне ничего не сказал?!

— Я... — Хань Цзин опустил голову. Худший его кошмар воплотился в жизнь. С трудом взяв

себя в руки, он поднял глаза на мать: — Мам, ты ведь сама только что завела об этом разговор. Мы обязательно обсудим твои варианты...

Он отчаянно пытался утихомирить зарождающуюся бурю, но измученный болью и раздражением Морис жестко пресек его попытку:

— Зачем обсуждать? Кэтрин — имя моей матери, оно священо для меня. И ты, Хань Цзин, лично пообещал мне его одобрить!

— Да знаю я... — Хань Цзин схватился за голову. Семейный ужин на глазах превращался в катастрофу. Он впервые на собственной шкуре ощутил, каково это — быть наковальней между двух молотов.

— Кэтрин? Исключено! — госпожа Хань с размаху опустила палочки на стол. — Любое имя, но только не это!

— Почему же? — процедил Морис. Его левая рука судорожно сжалась на животе под столом — новый спазм накатил с утроенной силой, заставляя его тратить все ресурсы организма на то, чтобы не закричать.

«Несчастливое имя». Эти слова вертелись у неё на языке, но госпожа Хань не решилась произнести их вслух, найдя другой предлог.

— Эта девочка — первенец в роду Хань! Разумеется, её имя должно быть выбрано строго по нашей семейной родословной!

— Родословная? — Морис прищурился. Из-за дикой боли у него не осталось сил спорить. Он мертвой хваткой вцепился правой рукой в край стола — костяшки пальцев побелели. От всей его фигуры повеяло леденящей, неодолимой властью.

За столом воцарилась удушающая тишина.

— Морис? — Хань Цзин наконец заметил, что лоб мужа блестит от испарины. Он испуганно потянулся к его руке.

Но Морис резко поднялся:

— Прошу прощения, мне нехорошо.

Бросив эту сухую, отстраненную фразу, он развернулся и ушел.

Госпожа Хань вскочила из-за стола, гневно указывая пальцем на закрывшуюся дверь столовой:

— И это его хваленое воспитание?! На ком ты женился?! Мало того, что ты пресмыкаешься перед ним, так теперь и я должна терпеть его выходки в собственном доме?!

— Мама! Морис не хотел тебя обидеть, — Хань Цзин сдерживал рвущийся наружу гнев, пытаясь оправдать мужа словами, в которые сам едва верил. — Ему сейчас тяжело, характер портится из-за беременности.

— Тяжело ему?! Да в нем просто кипит спесь! Не видела я никакой болезни!

— Мама, уверяю тебя, это так. Он от слабости даже к еде не прикоснулся.

— Я слова поперек не успела сказать, а он устроил сцену! Сколько еще тайн ты от меня скрываешь?! Почему имя ребенка, такое важное дело, вы решаете за нашими спинами?!

— Но... разве выбор имени — это не личное дело родителей?

— Конечно нет! Назвать ребенка Кэтрин?! Давать девочке имя покойной родственницы, которая ушла молодой — в нашей культуре это страшное табу! Плохая примета, накличете беду на дитя!

Голос матери вибрировал от сдерживаемой ярости, но её слова долетели до ушей Мориса на втором этаже. Гнев вспыхнул в его груди, и он с силой, сокрушительным грохотом захлопнул дверь спальни.

Он даже не успел толком разозлиться, как новый, непреодолимый приступ боли скрутил его. Морис тяжело опустился на край постели, обеими руками обхватив огромный, напряженный живот. Пальцы судорожно впились в шелковые простыни — боль перешагнула ту грань, когда её еще можно было терпеть с невозмутимым видом.

Внизу Хань Цзин вполголоса умолял мать остыть, пытаясь примирить обе стороны. Стоило ей немного успокоиться, и он налил ей чашку горячего чая, как сверху донесся оглушительный грохот двери. Этот звук прозвучал как гром среди ясного неба. Лицо госпожи Хань мгновенно перекопилось от гнева.

— Это еще что такое?! Он смеет выказывать мне свое презрение?! — Она с размаху поставила чашку, схватила ручку чемодана и решительно направилась к выходу.

— Мама! Куда ты?! — Хань Цзин перегородил ей путь, хватаясь за багаж. — На улице темень и ливень стенами!

— Отойди! Я не останусь здесь ни минуты! Буду я еще терпеть унижения от твоего благоверного! Ждать, пока меня с позором выставят за дверь?!

— Ну какие унижения?! Твой сын здесь, с тобой! — Хань Цзин сам едва сдерживал ярость, отчаянно пытаясь остановить её. — Мама, умоляю, успокойся! Хочешь, я заставлю Мориса спуститься и извиниться перед тобой?!

— Заставишь его? — Мать горько усмехнулась, поднимая глаза на лестницу и больше не пытаясь понижать голос. — Ты разбаловал его до крайности, он и слова твоего не слушает! Где уважение к матери?! Я ведь при нем и рта не раскрыла! То, что внучка должна носить имя рода Хань — это вековая традиция, это нормально!

— Мама, остынь, прошу тебя, — Хань Цзин усадил её на диван в гостиной, протягивая чай. — Морис вспылел, согласен. Но у него скоро роды, он на взводе, прояви немного чуткости. Мы ведь одна семья, зачем ругаться...

— Одной семьей тут и не пахнет! Я приготовила ему ужин, ждала с открытой душой, а он? Спустился с одолжением, лицо кирпичом, к еде не притронулся — разве это не плевок мне в лицо?! — Госпожа Хань продолжала жаловаться, но чай всё же взяла и сделала глоток.

— Морис не хотел тебя обидеть, у него просто такой характер. Я сейчас же поднимусь и поговорю с ним. Мы всё уладим.

Кое-как успокоив мать, Хань Цзин поспешил наверх. Он толкнул ручку спальни, но замок оказался заперт изнутри.

— Морис?

Тишина.

— Морис! — Он забарабанил в дверь, но из глубины комнаты не донеслось ни звука. Терпение Хань Цзина окончательно иссякло. — Открой дверь! Слышишь?! Моя мать внизу! Неужели тебе трудно хоть немного уступить мне?! Проводим её, а потом выясним отношения, идет?! Морис!

Он дергал ручку так, что заныло запястье, но спальня безмолвствовала. Хань Цзин с силой пнул дверь, выругался сквозь зубы и зашагал прочь.

Морис, преодолевая адскую боль в пояснице, попытался подняться, чтобы впустить мужа, но услышал, как шаги за дверью удаляются. На душе стало невыносимо пусто. Он привык к бесконечной заботе Хань Цзина, принимал её как воздух, и этот внезапный холод застал его врасплох. Бессильный, он рухнул обратно на простыни. В животе снова завязался тугой, разрывающий узел — ребенок словно чувствовал его горечь. Морис уткнулся лицом в подушку, дрожа от липкого пота. В этот момент он впервые почувствовал себя бесконечно хрупким и

уязвимым.

Хань Цзин сбежал по ступеням, намереваясь забрать запасной ключ из кладовой.

Госпожа Хань, наблюдавшая за всем этим со стороны, окончательно помрачнела. Смерив сына холодным взглядом, она молча взяла чемодан и толкнула входную дверь.

— Мама! — Хань Цзин выскочил следом за ней прямо в грозовую темень, даже не успев обуться.

— Хватит! Ты превратился в бесхребетную тряпку! Он вытирает об тебя ноги прямо при мне! Тебе, может, и плевать, но я на это смотреть больше не могу! Ни секунды здесь не останусь!

Дождь нещадно хлестал по лицу. Хань Цзин держал над матерью зонт, разрываясь от бессилия и злости. Семейная идиллия рухнула в одночасье.

— Мама, прости, это моя вина! Но зачем уезжать ночью, в такой ливень?!

— Дело не в тебе, а в его скотском отношении!

— Мама, стой! — Хань Цзин заблокировал дорогу. — Раз уж ты твердо решила ехать, я сам отвезу тебя. На улице ни одного такси в такой час.

— На проспект Эгей, — бросила госпожа Хань, усаживаясь на переднее сиденье машины. Её голос так и сквозил сквозь холод сквозил. — Еще только восемь вечера, я успею на последний рейс до аэропорта.

Хань Цзин завел мотор. Сердце колотилось где-то в горле. С одной стороны — мать, оскорбленная в лучших чувствах, с другой — любимый человек, запертый в спальне. Он хотел быть хорошим для всех, но сделал только хуже.

Машина вылетела за ворота поместья. Хань Цзин бросил короткий взгляд на светящиеся окна спальни, гадая, как там Морис один. От тревоги он неосознанно вдавил педаль газа в пол. Автомобиль с ревом понесся по залитому дождем шоссе.

Даже рассерженная мать заметила неладное:

— Сбавь скорость! Ты с ума сошел?! Сворачивай на проспект Эгей!

— На проспект Эгей?! — Хань Цзин вздрогнул, выныривая из липкого тумана собственных мыслей.

— Ты летишь под двести пятьдесят километров в час! Жизнь надоела?! Высади меня на проспекте Эгей, дальше я сама доберусь на такси.

Женщина сердито отвернулась к окну. Ей было больно за сына. Хань Цзин метался перед ней, пытаясь защитить человека, который только что демонстративно захлопнул перед ними дверь.

"Женился — и мать больше не нужна, — с горечью подумала она, едва сдерживая слезы. — Старая истина никогда не подводит"

— Пожалуйста, езжай на проспект Эгей.

— Мама... — Хань Цзину казалось, что его грудь сдавили тисками.

— Ты ведешь машину вслепую. Мне страшно с тобой ехать.

Не выдержав тяжелого взгляда матери, Хань Цзин сдался. Он перестроился в другой ряд и направил автомобиль к центру города, в сторону проспекта Эгей.

Машина замерла у обочины проспекта Эгей. Хань Цзин едва успел достать чемодан из багажника, как мать уже остановила проезжающее мимо такси. Никаких объятий на прощание, никакого теплого взгляда — она просто захлопнула за собой дверцу.

Хань Цзин смотрел вслед удаляющимся красным габаритам, чувствуя, как внутри нарастает глухое отчаяние. Он умудрился смертельно обидеть самого близкого человека.

Он вернулся в салон автомобиля и со всей силы ударил кулаком по рулю. Голова раскалывалась. За всё время их брака это был первый раз, когда ему безумно хотелось кричать от злости, но он обязан был держать себя в руках.

<http://bllate.org/book/19677/2006482>